

ПРОБЛЕМЫ ЭТНОГРАФИИ И АРХЕОЛОГИИ

УДК 39 (091)

Е.Р. Фендель

КОРЕННЫЕ НАРОДЫ НАРЫМСКОГО КРАЯ В ТРУДАХ МАКАРИЯ (НЕВСКОГО): К ВОПРОСУ О ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДАХ

Рассматривается проблема возвращения забытого наследия в сфере изучения традиционной культуры коренных народов Сибири. Автор обращается к немногочисленным дореволюционным публикациям Макария (Невского) (1835–1926) по коренным народам Нарымского края, в которых содержатся сведения по лингвистике, религии и этнографии. С целью прийти к объективному пониманию вклада миссионера в науку в статье рассматриваются теоретические подходы миссионера.

Ключевые слова: традиционная культура; Нарымский край; коренные народы; русские православные миссионеры; история изучения; XIX в.

Проблема возвращения забытого наследия продолжает сохранять свою актуальность и в настоящее время. Ученые акцентируют внимание на значимости работ, которые содержат сведения по различным аспектам традиционной культуры народов Сибири и Севера, особенно учитывая появление в последнее время новой тематики исследований [1. С. 7, 9, 10].

Богатые подобными сведениями работы православных миссионеров Северо-Западной Сибири второй половины XIX – начала XX в. по-прежнему остаются вне поля зрения российских ученых. Это утверждение справедливо и по отношению к работам Макария (Невского) (1835–1926), оставившего след в изучении народов Нарымского края [2–4].

Нельзя сказать, что имя Макария совсем неизвестно исследователям. Упоминания о работах Макария (Невского) мы встречаем в зарубежной научной историографии. Финский ученый К. Доннер отмечал в описании сибирской экспедиции 1911–1913 гг.: «Здесь <в Томске> я узнал людей, имевших глубочайшие познания о том мире, который на долгие годы стал полем моей деятельности. Особенно запомнился мне архиепископ Томска, отец Макарий» [5. С. 12].

В своей диссертации он писал: «По этому языку <остяко-самоедскому> я могу привлечь наряду с уже использованными материалами исследователей... некоторые ранее опубликованные работы... книжечку митрополита Макария: Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков, напечатанную в 1900 г. в Томске... К тому же у меня была возможность в Томске более подробно изучить записки по остяко-самоедскому <...> умершего митрополита московского Макария, в то время архиепископа Томского и Алтайского...»¹ [6. С. 7].

Благодаря К. Доннеру наследие миссионера было актуализировано в современных зарубежных публикациях. В 1970-х гг. немецкому ученому Х. Катцу (Katz) удалось разыскать в Хельсинках «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» [7. С. 7]. Он писал в обзоре источников по селькупскому

языку в исследовании «Materialien vom Tum»: «Книжечка интересующегося лингвистикой архиепископа Томского и Алтайского Макария (Makarij 1900)... и, насколько мне известно, до сих пор остававшаяся незамеченной, несмотря на то, что содержит относительно качественные материалы»² [8. С. II]. В 1976 г. Х. Катц переиздал «Беседы...» в посвященном им исследовании [7].

Вместе с тем отметим, что интерес зарубежных ученых вызвала в первую очередь лингвистическая сторона творчества Макария. Х. Катц предположил, что миссионер был полным самоучкой, знающим тюркские языки «в своей сфере» и «труды своих “литературных” предшественников: Н.П. Григоровского... Макарий знал также плохо, как и труды Кастрена или более ранних исследователей»³ [7. С. 9]. Но был ли он действительно самоучкой?

Макарий (Невский) поступил на службу в Алтайскую духовную миссию в 1855 г. Между тем литературная, научная и переводческая деятельность алтайских миссионеров в области тюркологии хорошо известна и признана в российском научном мире [9. С. 88].

Во-первых, она связана с теоретическим подходом основателя миссии Макария (Глухарева) (1792–1847), который включал переводы Св. Писания на местные языки, изучение народов [10. С. 183, 189].

Во-вторых, современные ученые отмечают связь алтайских миссионеров с А.К. Казем-Беком (1802–1870), Н.И. Ильминским (1822–1891), под наблюдением которых издавались книги миссии [9. С. 87, 88]. Профессора принадлежали к отечественной школе востоковедения, центром которого в 1807–1855 гг. была Казань. Ученые называют следующие характерные особенности казанской школы: изучение языкознания в тесном взаимодействии с другими гуманитарными науками: историей, этнографией, фольклористикой; синхронное и диахронное изучение языка с привлечением широкого спектра наречий для сопоставлений; равноправное отношение ко всем изучаемым языкам,

исследование живых разговорных форм языков, привлечение к научной работе носителей языка тех народностей, языки которых изучались [11. С. 5, 13, 19, 20].

Работы А.К. Казем-Бека в области синтаксического строя тюркских языков, в первую очередь труднейшего раздела тюркской грамматики – системы конструкций фраз, стали шагом вперед в их изучении [11. С. 20, 21]. Исследования отечественных востоковедов наметили путь к преодолению проблемы, на существование которой обращают внимание современные этнографы: и раньше «предпринимались попытки введения преподавания и даже богослужения на некоторых языках народов Сибири. Но из-за чрезвычайной трудности перевода на языки сибирских народностей понятий и значений христианского вероучения серьезного успеха эти начинания не имели» [12. С. 4].

В условиях быстрого распространения ислама, имевшего хорошо поставленную систему образования, среди формально крещеных народов Поволжья, Н.И. Ильминский теоретически переосмыслил научные достижения казанских востоковедов для решения проблем православной миссионерской деятельности. Ему удалось создать систему инородческих переводов, которая доказала на практике свою эффективность [13. С. 30]. С 1876 г. Казань стала общероссийским центром книгопечатания на восточных инородческих языках [13. С. 324].

Следующие принципиальные моменты характерны для этой системы: «...общедоступность, т.е. правильность и народность языка, и... изложение перевода такое, чтобы оно возбуждало в инородцах представления и чувства благоговейные и назидательные» [14. С. 18]. «Мы переводим христианские книги... – писал Н.И. Ильминский, – на язык народный, то есть употребляем только те слова, которые в ходу у <...> народа; в этимологическом и синтаксическом отношении следуем законам народной речи»: язык берется «в его настоящем, теперешнем народном употреблении и виде» [14. С. 28].

Привлечение народного разговорного языка, во-первых, разграничивало православную и исламскую системы образования (последняя основывалась на татарском книжном языке). Во-вторых, учитывало психологию восприятия того или иного народа: перевод должен был не только передавать смысл, но и вызывать впечатление у аборигенного народа, соответствующее тому, которое вызывал оригинал [14. С. 32, 33], включая, таким образом, область прагматики.

Система инородческого просвещения Н.И. Ильминского включала поэтапный план издания переводов: начиная от Священной истории, в которой содержались элементарные знания христианской веры, до догматического учения.

Содержание Священной истории состояло из последовательного изложения основных библейских событий Ветхого и Нового Завета, которое должно было создавать целостное впечатление вместо коллекции

разрозненных сведений, составлявших почву для синкретизма.

Отправной точкой изложения должны были служить собственные представления инородцев о мире: «...порядок творения мира и человека будет разъяснением и подробным раскрытием уже известного им положения» [14. С. 7]. С этой точки зрения, «чем проще и цельнее сохранилось... древнее мирозерцание... тем более удобную и благодарную почву находит для себя христианское образование». Необходимо было понять характер религиозности народа [14. С. 5, 6, 29]. Переложение духовно-нравственной литературы включало наиболее употребительные и простые молитвы, доступные нравоучительные книги, такие, например, как «Один день из жизни христианина». Далее следовало догматическое учение, краткой формой выражения которого является символ веры [14. С. 7].

Переводчикам рекомендовалось составлять тексты сразу на оригинальном языке, с обязательным привлечением носителей языка, хорошо владевших русским языком. Правильность переводов обеспечивалась привлечением к работе над ними представителей самого народа, на языке которых они велись, а также практикой – чтением в юртах [14. С. 34].

Таким образом, переложение книг требовало знания наиболее значимых сторон повседневной жизни народа, на языке которого велись переводы: особенностей религиозной жизни, национального характера, быта и повседневных занятий, семейных и общественных отношений. Неотъемлемой частью исследований миссионеров было собирание образцов фольклора, запись которых велась с наиболее возможной точностью.

Макарию была хорошо известна система инородческого просвещения Ильминского. Он был лично знаком с ее автором, с которым они совместно готовили к изданию «Грамматику алтайского языка», составленную алтайскими миссионерами, а также членом переводческой комиссии с 1876 г. [13. С. 93, 367].

Поездки Макария в Нарымский край начались с 1887 г. Можно назвать несколько наиболее очевидных причин, по которым алтайский миссионер мог отправиться к нарымским инородцам.

Во-первых, житель Нарымского края Н.П. Григоровский положил начало переводам на остяко-самоедский язык – обской диалект селькупского языка (остяко-самоедского), которые он составил по собственной инициативе. Переводческая комиссия издала его переводы, несмотря на замечания в многочисленном использовании русских оборотов, в 1879 г. Предполагалось, что Н.П. Григоровский продолжит свою работу. Однако в 1883 г. он скончался [15. С. 218, 219].

Во-вторых, в программу восстановленного в 1884 г. в Казанской духовной академии миссионерского отделения было включено изучение языков и этнографии всех народов Сибири, включая остяков, что потребовало их изучения [13. С. 131, 141; 16].

В-третьих, в начале 1880-х гг. Томскую епархию возглавили алтайские миссионеры: епископом Томским и Семипалатинским стал викарий Томской епархии и начальник Алтайской миссии Владимир (Петров) (1883) [17. С. 1], его место занял архимандрит Макарий (Невский) [18]. Новый томский епископ поставил вопрос о том, чтобы распространить деятельность Алтайской миссии на всю епархию [19. С. 670].

В 1887 г. Макарий совершил первое миссионерское путешествие к коренным народам Нарымского края – «обским осяткам» (sk)⁴. Маршрут проходил по Оби до г. Нарыма, где он пригласил с собой в обратную поездку двух крещеных осятков, знавших русский язык. В пути епископ занялся «собранием сведений о туземных осятках, их быте, обычаях и наречии» [20. С. 16].

Вторая поездка была совершена в 1889 г. в отдаленнейшие места Нарымского края, по притокам Оби: «Последний пункт посещенных в настоящую поездку местностей по Тыму лежит от города Нарыма в 108 верстах⁵, а по р. Васьюгану в 444 верстах» [21. С. 20]. Результаты поездок в Нарымский край нашли отражение в отчетах Алтайской и Киргизской миссий [20. С. 6; 14, 16, 17, 51–65; 21–23].

Макарий отмечал миссионерские цели своих путешествий, для которых «имеет особенное значение изучение языка и религий инородцев...» [21. С. 21], что нашло отражение в структуре приводимых сведений. Изучение языка было отражено в «Материалах для ознакомления с наречием осятков Нарымского края» (sk, Ob?), которые включают классификацию языка, счет, грамматику, небольшой словарь с соматической лексикой; фразы (из христианской практики); слова и выражения для символа веры; краткие молитвы; термины по шаманизму [20. С. 51–65]. «Материалы для изучения языка Васьюганских инородцев (осятков) Нарымского края» (ht. Vas.) отличались по структуре и дополнительно включали символ веры, фразы для катехизации, терминологию родства, промысловую лексику и образец народной литературы. В материалах отсутствовал словарь с соматической лексикой [23. С. 1–24]. Темы религиозно-нравственного состояния населения Нарымского края миссионер касается в отчете о поездке 1887 г. [20. С. 17].

В отчете за 1889 г. он помещает очерк «Инородцы Нарымского края (Из путевых заметок начальника Алтайской миссии)», написанный по материалам обоих путешествий [21, 22], и сведения для изучения языка Васьюганских инородцев (осятков) Нарымского края» (ht. Vas.) [23].

Очерк включает следующие разделы: «Происхождение и язык Нарымских инородцев», «Вымирание инородцев», «Религиозно-нравственное состояние инородцев», «Быт осятков. Занятия мужчин и женщин. Промыслы. Устройство шалашей», «Общественный и семейный быт осятков», «Свадебные обычаи», «Жилище и имущество осятков, промысловые снасти и

орудия, день и год осятка», «Зимний день осятка», «Год осятка».

Он свидетельствует, что миссионер был хорошо осведомлен об исследованиях Нарымского края, существовавших на тот момент [21. С. 20, 21]. Макарий привлекает исследования М.А. Кастрена, А.Ф. Миддендорфа, К. Папаи при рассмотрении вопросов классификации аборигенов, включая вопросы общего этногенеза нарымских аборигенов и алтайцев [Там же. С. 21, 22]. Отметим, что миссионер использовал для классификации непосредственно приводимых лингвистических материалов счет⁶ [20. С. 51, 52].

При обращении к таким темам, как административное деление края, вымирание аборигенов, религиозно-нравственное состояние, миссионер привлекал данные официальной статистики, работы Н.П. Григоровского [21. С. 23]. Работы последнего он также использовал для полемики по вопросам религиозно-нравственного состояния аборигенов [22. С. 14, 20].

Для подхода миссионера характерно отсутствие этноцентризма: коренные народы Нарымского края рассматриваются как часть местного населения, вне противопоставления другим этническим группам [20. С. 17], что соответствовало смешанным русско-аборигенным приходам, преобладавшим в Нарымском крае. На 1886 г. из 10 приходов края чисто инородческими были три: Кетный, Тымский и Васюганский [24. С. 4–6]. Этот подход обращает внимание на проблему взаимовлияния народностей, проживавших в Нарымском крае.

Основная часть приводимых материалов основана на личных наблюдениях Макария. Он использовал сведения, полученные от носителей языка, старожилов, близко знавших инородческую жизнь, из церковных архивов [21. С. 23]. Макарий (Невский) собирал сведения от информантов (образцы народной литературы, фразы, лексику) на основе записей устной речи, стремясь к их наиболее точной передаче. В случае очевидной, с его точки зрения, ошибки он оставлял комментарии, как, например: «Здесь, кажется нам, была ошибка осятка... <в синтаксисе при передаче счета> Но мы не решились исправить такой несообразности, из опыта при сличении алтайского языка зная, что эти сперва кажущиеся нам несообразности составляют особенность языка» [20. С. 52, 53].

Будучи знатоком тюркских народностей, он широко применял сопоставление с их языками, мифологией, обычаями, бытом в диахронном и синхронном аспектах. Он обратил внимание на тюркские заимствования, которые эксплицировали, например, вопрос о времени появления коневодства у васюганских хантов [22. С. 18].

В качестве названий этнических групп Макарий использует близкие по структуре к этнонимам, которые также приводит: обские (sk Ob), тымские (sk Tym), кетские (sk Ket), васюганские (ht. Vas.) осятки (инородцы) [21. С. 22]. В случае общей характеристики сторон

жизни коренных народов Нарымского края, особенно при описании хозяйственного уклада, использует названия «остяки», «нарымские инородцы». В последнем случае дифференциация возможна по лексическому сопровождению описаний, которое позволяет их идентифицировать, хотя и не во всех случаях⁷.

Характеризуя религиозно-нравственное состояние населения Нарымского края в отчете за 1887 г., миссионер отметил отсутствие некрещеных среди остяков при слабом знании христианской веры, незнании молитв и религиозность русского населения при незначительном числе раскольников, а также в целом – нравственную неиспорченность населения края [20. С. 17].

По мнению Макария, «остяки более христиане, чем язычники...» [22. С. 16]. При этом он отмечает слабое знание христианства: «Обские инородцы очень мало знакомы с христианским вероучением, а у Тымских и Васюганских эти познания ничтожны» [22. С. 15, 23]. Н.И. Ильминский приводит подобные примеры среди крещеных поволжских марийцев, удмуртов, чувашей [13. С. 107, 274, 292].

Особенности религиозности коренных народов Нарымского края были связаны с традиционной системой жизнеобеспечения и обусловленным ею кочевым образом жизни. Так, инородцы совершали ежегодное посещение приходских храмов (с. Тымское и Васюганское), возвращаясь весной с зимних промыслов (в с. Тымское на престольный праздник Троицы) [21. С. 24].

Отличительной особенностью также являлось исключительное почитание свят. Николая, икона которого была в каждом инородческом доме: «На вопрос: кто истинный Бог? Отвечают почти все: Никола. Инородцы выражали особенное удивление, когда слушали от нас разъяснение, что Иисус Христос несравненно больше Николы» [22. С. 15, 16]. Зафиксированные миссионером национальные названия православных праздников и некоторых обычаев (ht, Vas.) актуализируют интерес не только с точки зрения изучения истории хантыйского календаря, но и в плане ареального влияния русского населения⁸ [21. С. 25].

Вместе с тем миссионер отмечает, что «если остяки мало знают православие, то не больше знают они верования и языческих предков своих... Из среды встречавшихся нам инородцев мы нашли только одного, который мог рассказать предание о сотворении земли» [22. С. 15, 16]. Всего он приводит два образца фольклора (ht, Vas.): легенду о сотворении земли (информант Данило Максимов, юрты Варгананжины) [22. С. 16, 17] и сказку о 30 разбойниках (информант-переводчик Л.И. Шушков) [23. С. 20–24].

В легенде о сотворении мира, включающей так называемый миф о ныряющей птице (МНП), в роли демиурга, достающего землю со дна воды, выступает гагара. Миссионер сопоставляет миф с более полной алтайской и монгольской версией и проводит параллели с русской, обозначив проблему первоисточника [22.

С. 17, 18]. Записанная Макарием версия (ht, Vas.) является, по мнению специалистов, краткой. Она «сложилась в результате деградации развернутого сюжета МНП» в фольклорной традиции [С. 25. С. 308, 311]. В кратком предисловии ко второму образцу фольклора, сказке о 30 разбойниках, он обращает внимание на то, что сюжет вызывает вопросы по этнической истории хантов как возможное свидетельство регресса их культуры [23. С. 19, 20].

Миссионер приводит сведения по шаманизму и его бытованию среди аборигенов, которые содержат описание культовых мест, жертвоприношений, использования музыкальных инструментов при камлании, сведения о шаманах и колдунах, влиянии на местное русское население [22. С. 15], терминологию (sk, Tym, ht, Vas.) [22. С. 8–10, 15].

Макарий (Невский) также включил в раздел религиозно-нравственного состояния рассмотрение пороков, распространенных в среде аборигенов [22. С. 19, 20]. К их числу он также отнес распространенность невенчаных браков, объясняя ее частично демографическими причинами (вынужденным заключением ранних браков, венчание которых не допускалось по российскому законодательству) [22. С. 20]. Он также оспаривает широкое бытование закона гостеприимства, отмечая, что нравственная чистота невесты имела значение при назначении калыма [22. С. 20].

Миссионер касается различных аспектов традиционной культуры. Рассмотрение промысловой хозяйственной деятельности включает процесс отправки на промыслы (sk, Tym?) [22. С. 21], средства передвижения [22. С. 21, 22], транспортное собаководство (sk, Tym, ht, Vas.) [22. С. 21], устройство зимних и летних жилищ (sk, Tym?) [22. С. 22], основные промыслы (более подробно ht, Vas.), номенклатуру промысловых орудий [22. С. 22].

Макарий приводит описания поселений (юрты) (sk, Tym, ht, Vas.) [22. С. 25], домов, их внутренней организации (sk?) [Там же. С. 25, 26], а также сравнительный уровень жизни (sk, Tym, ht, Vas.) [Там же. С. 25, 26]. Он также касается таких тем, как пища (ht, Vas, sk, Tym), одежда [Там же. С. 26], домашняя утварь (ht, Vas.) [Там же. С. 25]. Отмечает наличие (отсутствие) домашнего скотоводства (ht, Vas., sk, Tym.) [22. С. 21, 25, 26].

Из обрядов жизненного цикла автор более подробно останавливается на имянаречении (sk.) [22. С. 23, 24] и свадебных обычаях (ht, Vas., информант-переводчик Л.П. Шушков) [22. С. 24, 25], вскользь упоминая о вопросах, связанных с похоронами [21. С. 24; 22. С. 8]. В очерке затрагиваются вопросы самоуправления, обычного права в сфере общественных взаимоотношений [22. С. 23]. Миссионер также рассматривает внутрисемейные отношения между мужем и женой, воспитание детей [Там же].

Он приводит дневной и годовой циклы жизни. В первом случае обращает внимание на повседневные

мужские и женские занятия в юртах [22. С. 26], причем положение женщины не считает принижением: «...сама она едва ли замечает, что всему дому госпожа и кормилица» [22. С. 26]. Годовой цикл включает традиционные хозяйственные занятия (в том числе заготовку сена (ht. Vas.)) начиная с весны. Периодизация охотничьего промысла соотносится с православным календарем [22. С. 26, 27].

С назначением в 1891 г. Макария епископом Томским и Семипалатинским он, несмотря на занятость, продолжал собирать материалы о коренных народах Нарымского края. Так, в 1892 г. епископ совершил путешествие по р. Кеть, во время которого в с. Кетном «постарался узнать кое-что из местных преданий и ознакомиться с остяцким языком», работая с двумя или тремя информантами [27. С. 11, 14]. Однако отчеты о путешествиях принадлежат авторству сопровождавших его лиц. В 1900 г. были изданы «Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков» на диалектной основе «остяков, живущих по берегам Оби и Кети» [28. С. 1, 7], которые должны были, согласно системе Н.И. Ильминского, положить начало созданию комплекса православных книг.

Таким образом, опубликованные работы Макария (Невского), хотя и небольшие по объему, имеют

ценность и как свидетельство очевидца, и с точки зрения науки. Научная ценность его работ обусловлена тем, что миссионерская деятельность второй половины XIX – начала XX в. включала задачу создания письменности на языках бесписьменных сибирских народов, языки которых радикально отличались от европейских. Решение этой задачи стало возможным благодаря достижениям отечественной школы востоковедения, включавшей казанских миссионеров.

Работы Макария основывались на теоретических подходах Макария (Глухарева), Н.И. Ильминского и личном 30-летнем опыте жизни среди тюркских народностей, который открывал возможности широкого привлечения сравнительно-исторического метода. Отличительными свойствами его работ было обращение первостепенного внимания на изучение религиозного мировоззрения и языка, наиболее важных сторон повседневной жизни на личном уровне восприятия. В его работах мы можем также найти сведения, включая лингвистические, по темам, которые представляют интерес с точки зрения современной науки: шаманизму, обычаю имянаречения, семейным отношениям, терминологии родства, календарной системе и др. [1. С. 10; 29].

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Für diese sprache habe ich neben von früheren forschern benutztem material... aus den älteren quellen, einige gedruckte schritten verwerten können... Ausserdem noch das büchlein von Metropolit Makarij: Besеды об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков, gedruckt 1900 in Tomsk... Dazu haben mir sowohl der verstorbene Metropolit von Moskau Makarij, damals noch erzbischof von Tomsk und Altai... in Tomsk gelegenheit gegeben ihre aufzeichnungen aus dem ostjak-samojedischen na her zu studiren...

² ... das Böhlein des linguistisch interessierten Erzbischofs von Tomsk und Altai Makarij (Makarij 1900), erwähnt in Donner 1920, 7 und m. W. bisher unbeachtet, obwohl relativ gutes Material enthaltend...

³ Er scheint auch Kenntnisse der Turk-Sprachen seines Gebiets gehabt... Die Schriften seines "literarischen" Vorgängers N. P. Grigorovskij... kannte M. ebensowenig wie die Castréns oder älterer Forscher, er dürfte reiner Autodidakt gewesen sein... Er scheint auch Kenntnisse der Turk-Sprachen seines Gebiets gehabt...

⁴ sk. – селькупы; ht. – ханты.

⁵ Возможно, опечатка. Приведенная цифра приблизительно соответствует расстоянию от г. Нарыма до с. Тымское (110–114 верст). Между тем в отчете упоминаются юрты Нөгётки по р. Тым [22. С. 21]. Согласно данным И. Ерлексова, расстояние от г. Нарыма до юрт Неготкиных составляло 165 верст [24. С. 12].

⁶ Как отмечают исследователи, «имя числительное как особый пласт культурной лексики хранит связь с культовыми обрядами» [25. С. 225].

⁷ Для идентификации лексики использовались словари хантыйского и селькупского языков [30, 31].

⁸ Православные марийцы, проживавшие в исламизирующемся регионе, в воскресенье работали, а в пятницу праздновали [13. С. 107].

ЛИТЕРАТУРА

1. Соколова З.П. Ханты и манси: взгляд из XXI века. М. : Наука, 2009. 755 с.
2. Лукина Н.В. Формирование материальной культуры хантов (Восточная группа) / ред. Р.Ф. Итс. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. 361 с.
3. Кулемзин В.М., Лукина Н.В. Знакомьтесь: ханты / отв. ред. В.И. Молодин. Новосибирск : Наука. 134 с.
4. Тучкова Н.А. и др. Селькупы. Очерки традиционной культуры и селькупского языка. Томск : Изд-во Том. политех. ун-та, 2011. 317 с.
5. Donner K. У самоедов в Сибири / пер. с нем. А.В. Байдак. Томск : Ветер, 2008. 176 с.
6. Donner K. Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samojedischen und Uralischen // Mémoires de la Société Finno-Ougrienne 49. Helsinki.
7. Katz H. Selpupica II: Erzbischof Makarijs "Besědy ob istinnom Bogě i istinnoj věrě na narěčii obskich ostajakov" von 1900 // Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München. Serie C, Band 3. München, 1976. S. 7–101.
8. Katz H. Selpupica I: Materialien von Tym. Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München, Serie C, Band 1. München, 1975.
9. Диалекты тюркских языков : очерки. М. : Вост. лит., 2010. 533 с.
10. Макарий (Глухарев), архим. Мысли о способах к успешнейшему распространению христианской веры между евреями, магометанами и язычниками в Российской державе / Свет Христов просвещает всех! Сборник / сост., вступ. ст. и прим. протоирея Б.И. Пивоварова. Новосибирск, 2000. С. 163–290.
11. Казанская лингвистическая школа : Книга первая: Казанская тюркская лингвистическая школа / сост. М.З. Закиев. Казань : Татар. кн. изд-во, 2008. 424 с.
12. Вдовин И. Предисловие / Христианство и ламаизм у коренного населения Сибири (вторая половина XIX – начало XX в.). Л. : Наука, 1979. С. 3–11.

13. Ильминский Н.И. Письма Николая Ивановича Ильминского. Казань : Изд-во редакции Прав. собеседника, 1895. 414 с.
14. Ильминский Н.И. О переводе православных христианских книг на инородческие языки: Практические замечания. Казань : Тип. ун-та, 1975. 47 с.
15. Szepegi Marta. Ki volt Grigorovskij? // Néprajz és Nyelvtudomány. Szeged, 1975/1976. 19/20. L. 217–223.
16. Устав Православных Духовных Академий : высочайше утв. 20 апреля 1884 года № 2160. §102 // Полн. собрание законов Российской империи. 3-е собр. СПб., 1887. Т. 4: 1884. С. 232–243.
17. Епархиальные распоряжения // Томские епархиальные ведомости. 1883. № 18. С. 1.
18. Указ Его Императорского Величества Самодержца Всероссийского из Святейшего Правительствующего Синода, Преосвященному Владимиру, Епископу Томскому и Семипалатинскому // Томские епархиальные ведомости. 1884. № 4. С. 9, 10.
19. Томские епархиальные ведомости. 1883. № 23.
20. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1887 г. Томск : Тип.-лит. Михайлова и Макушина. 1888. С. 65.
21. [Еп. Макарий (Невский)]. Инородцы Нарымского края: Из путевых заметок Начальника Алтайской Миссии. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1889 г. // Томские епархиальные ведомости. 1890. № 8. С. 20–26.
22. [Еп. Макарий (Невский)]. Инородцы Нарымского края: Из путевых заметок Начальника Алтайской Миссии. Отчет об Алтайской и Киргизской миссиях за 1889 г. // Томские епархиальные ведомости. 1890. № 9. С. 8–29.
23. [Еп. Макарий (Невский)]. Материалы для изучения языка Васюганских инородцев (остяков) Нарымского края // Томские епархиальные ведомости. 1890. № 13. С. 1–24.
24. Ерлехов И., свящ. Город Нарым и Нарымский край // Томские епархиальные ведомости. 1888. № 1. С. 1–14.
25. Быкова В.В. К вопросу о путях формирования числительных в самодийских языках // Моя избранница наука, наука без которой мне не жить. Барнаул : Изд-во АГУ, 1995. С. 225–235.
26. Чувров А.А. Коми-легенда о сотворении мира из архива РЭМ: финно-угорские и восточно-славянские параллели // «Уведи меня, дорога»: сб. ст. пам. Т.А. Бернштам. СПб. : МАЭ РАН, 2010. С. 304–322.
27. Соколов П., свящ. записки священника Павла Соколова, сопутствовавшего Его Преосвященству, Преосвященнейшему Макарию, епископу Томскому и Семипалатинскому, в поездку его в июне и июле месяцах 1892 г. по обозрению церквей Нарымского края // Томские епархиальные ведомости. 1893. № 2. С. 5–13; № 3. С. 7–15; № 5. С. 1–7.
28. Е.М. [Еп. Макарий (Невский)]. Беседы об истинном Боге и истинной вере на наречии обских остяков. Томск : Типография Епархиального Братства. 1900. 28 с., пред. II с., прил. V с.
29. Соколова З.П. Основные проблемы обско-угорской этнографии // Этнографическое обозрение. 2013 № 4. С. 34–48. URL: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/36124812>, свободный.
30. Хантыйско-русский словарь (васюганский диалект) / сост. М.К. Могутаев; обраб. и ред. А.А. Ким, О.А. Осиповой, Е.А. Сергеевой. Томск [б. и.], 1996. 348 с.
31. Южноселькупский словарь Н.П. Григоровского / сост. Е. Хелимский. Hamburg : Institut für Finnougristik Uralistik der Universität Hamburg, 2007. 225 с.

Fendel Elena R. Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: efendel@yandex.ru.

THE RESEARCH LEGACY ON ABORIGINAL PEOPLES OF NARYM KRAI OF MAKARIUS (NEVSKI) (1835–1926): TO THEORETICAL APPROACHES PROBLEM.

Keywords: traditional culture; Narym krai; aboriginal peoples; Russian Orthodox Church missionaries; science history; XIX century.

The researchers note a high actuality and significance of works that contain information about the traditional culture (of the second half of the 19th century – the beginning of the 20th century) of North-West Siberian non-literate indigenous peoples. We can find plenty of such data in the records of orthodox missionaries, which are largely ignored by the recent Russian historiography of the problem. Among them are published records of Makarius (Nevsky) (1835–1926) on the indigenous peoples of Narym krai. Meanwhile we encounter foreign scholars' references to his records in the Samoyedology sphere since the 1920s. Foreign historiography shows interest in his works. At that point, linguistic materials are evaluated as relatively high-quality. H. Katz associates their high quality with the previous experience of Makarius (Nevsky's) studies in the field of Turkic languages. He was really a missionary of the Altai ecclesiastical mission whose scientific and translation activities in Turkic sphere is well known to the present Russian scholarship. But it was not born from the scratch. The researchers noted the links between Altai missionaries and A.K. Kazembek (1802–1870), N.I. Ilminsky (1822–1891) belonging to the Russian tradition of Oriental studies. The emergence and development of the tradition was in Kazan in the period from 1807 to 1855. At the same time Kazan became a Russian centre of the Orthodox missionary (usually since 1842, when the Kazan ecclesiastical academy was revived with missionary goals). Scientific Oriental studies advances within the area of Turkic languages, especially in the syntax, opened the way to begin translations into the North West Siberian peoples languages, which attempts had been ineffective before. N.I. Ilminsky theoretically rethought the scientific achievements of Russian Oriental studies researchers to solve the issues of the Russian missionary work. He succeeded in the creation of the inorodets translation system that had proven to be effective for practical translation into unwritten Siberian aboriginal languages. There are following principal characteristics of this system: the translation into people's everyday ordinary language, the adherence to etymology and syntax of the popular style of speaking, the distinguishing of perceptual features of every people (pragmatics). In each concrete case the translation was not only to convey a formal sense, but to produce the perception corresponding to the one produced by the original. The system of N.I. Ilminsky included a gradual plan for the creation of a collection of books in aboriginal languages: from account of the events of the Holy Scripture to spiritual and moral and dogmatic teaching literature. A starting point for consistent account of the most important Biblical events was to be a proper indigene's worldview. On the whole, they should have known the religious life of people, everyday life, family and social relationships, their most important aspects as viewed by the people, perceptual psychology and national character. They recorded data as accurately as possible. Thus, published works of Makarius (Nevsky), though not very large, are valuable not only as eyewitness reports but also as research papers. The research value of his works lies in the fact that orthodox missionary work of the 19th century objectively involved the problem of creating writing systems for non-literate cultures of North-West Siberian peoples whose languages are radically different from European. The solution of this problem became feasible through the achievements of the Russian oriental studies school which included Kazan missionary reformers. The papers of Makarius (Nevsky) are based on the theoretical approaches of Makarius (Gluharev), N.I. Ilminsky and his more than thirty years' personal experience among Turkic peoples. The latter fact gave opportunities to use the comparative-historical method widely. For the first time the missionary paid attention to the study of the religious life and linguistics, the most important aspects of everyday life of aboriginal peoples of Narym krai. He mentioned Khanty (Vasyugan), Selkup (Ob, Tym, Ket). His published materials include separate information on such relevant subjects of Russian his-

toriography as shamanism, folklore, counting, naming ceremony, family relations, kinship terminology, calendar system and so on. Their special value is accentuated by linguistics data.

REFERENCES

1. Sokolova Z.P. *Khanty i mansi vzglyad iz XXI veka* [Khanty and Mansi. A view from the 21st century]. Moscow: Nauka Publ., 2009. 755 p.
2. Lukina N.V. *Formirovanie material'noy kul'tury khantov (Vostochnaya grupa)* [The formation of the Khanty material culture (The Eastern group)]. Tomsk: Tomsk University Publ., 1985. 365 p.
3. Kulemzin V.M., Lukina N.V. *Znakom'tes': khanty* [Meet the Khanty]. Novosibirsk: Nauka Publ., 136 p.
4. Tuchkova N.A. *Sel'kupy. Ocherki traditsionnoy kul'tury i sel'kupskogo yazyka* [Selkups. Essays on traditional culture and Selkup language]. Tomsk: Tomsk Polytechnic University Publ., 2011. 317 p.
5. Donner K. *U samoedov v Sibiri* [Visiting Samoyeds in Siberia]. Translated from German by A.V. Baidak. Tomsk: Veter Publ., 2008. 176 p.
6. Donner K. Über die anlautenden labialen Spiranten und Verschlusslaute im Samoedischen und Uralischen. *Mémoires de la Société Finno-Ougrienne*, 1920, no. 49.
7. Katz H. [Selcupica II: Erzbischof Makarijs "Besëdy ob istinnom Bogë i istinnoj věrë na narëchii obskikh ostajakov" von 1900]. *Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München*. Serie C, Band 3. München, 1976, pp. 7-101.
8. Katz H. [Selcupica I. Materialien von Tym]. *Veröffentlichungen des Finnisch-Ugrischen Seminars an der Universität München*, Serie C, Band 1. München, 1975.
9. Dybo A.V. (ed.) *Dialekty tyurkskikh yazykov : ocherki* [Turkic Dialects. Essays]. Moscow: Vostochnaya Literatura Publ., 2010. 532 p.
10. Macarius (Glukharyov), archimandrite. *Mysli o sposobakh k uspeshneyshemu rasprostraneniyu khristianskoy very mezhdv evreyami, magometanami i yazychnikami v Rossiyskoy derzhave* [Thoughts about how to successfully spread the Christian faith among the Jews, Mohammedans and Gentiles in the Russian Power]. In: Pivovarov B.I. (ed.) *Svet Khristov prosveshchaet vsekh!* [Light of Christ enlightens all!]. Novosibirsk: Orthodox school of St. Sergius of Radonezh Publ., 2000, pp. 163-290.
11. M.Z. Zakiev (ed.) *Kazanskaya lingvisticheskaya shkola. Kniga pervaya: Kazanskaya tyurkskaya lingvisticheskaya shkola* [Kazan linguistic school. Book One: Kazan Turkic linguistic school]. Kazan, 2008. 424 p.
12. Vdovin I.S. (ed.) *Khristianstvo i lamaizm u korennoy naseleniya Sibiri (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.)* [Christianity and Lamaism among indigenous population of Siberia (the second half of the 19th – early 20th century)]. Leningrad: Nauka Publ., 1979, pp. 3-11.
13. Ilminsky N.I. *Pis'ma Nikolaya Ivanovicha Il'minskogo* [Letters of Nikolai Ivanovich Ilminsky]. Kazan: Izd-vo redaktsii Prav. Sobesednika Publ., 1895. 414 p.
14. Ilminsky N.I. *O perevode pravoslavnykh khristianskikh knig na inorodcheskie yazyki: Prakticheskie zamechaniya* [On the translation of Orthodox Christian books in non-Russian Languages: practical notes]. Kazan: University Publ., 1975. 47 p.
15. Csepregi M. Ki volt Grigorovskij? *Néprajz és Nyelvtudomány*, 1975/1976, no. 19/20, pp. 217-223.
16. The Charter of Orthodox Theological Academies: Majesty ratified 20th April 1884 no. 2160. § 102. In: Complete Collection of Laws of the Russian Empire. St. Petersburg, 1887. Vol. 4: 1884, pp. 232-243. (In Russian).
17. Eparkhial'nye rasporyazheniya [Eparchial orders]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1883, no. 18, p. 1.
18. The Decree of His Imperial Majesty the Autocrat of All-Russian from the Holy Synod to His Grace Vladimir, Bishop of Tomsk and Semipalatinsk. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1884, no. 4, pp. 9-10.
19. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1883, no. 23.
20. Report on Altai and the Kyrgyz missions for 1887. Tomsk: Mikhailov i Makushin Publ., 1888, p. 65.
21. [Bishop Macarius (Nevsky)]. Inorodtsy Narymskogo kraia: Iz putevykh zametok Nachal'nika Altayskoy Missii Otchet ob Altayskoy i Kirgizskoy missiyakh za 1889 g. [Foreigners of the Narym Region. From the travel notes of Head of the Altai Mission. Report about Altai and the Kyrgyz Missions for 1889]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1890, no. 8, pp. 20-26.
22. [Bishop Macarius (Nevsky)]. Inorodtsy Narymskogo kraia: Iz putevykh zametok Nachal'nika Altayskoy Missii Otchet ob Altayskoy i Kirgizskoy missiyakh za 1889 g. [Foreigners of the Narym Region: From the Travel Notes of Head of the Altai Mission. Report about Altai and the Kyrgyz Missions for 1889]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1890, no. 9, pp. 8-29.
23. [Bishop Macarius (Nevsky)]. Materialy dlya izucheniya yazyka Vasyuganskikh inorodtsev (ostyakov) Narymskogo kraia [Materials for learning language of Vasyugan Non-Russians (Ostyaks) living in Narym Region]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1890, no. 13, pp. 1-24.
24. Erleksov I. Gorod Narym i Narymskiy kray [Town Narym and Narym Region]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1888, no. 1, pp. 1-14.
25. Bykonya V.V. *K voprosu o putyakh formirovaniya chislitel'nykh v samodiyskikh yazykakh* [To the question of the numerals formation in the Samoyed languages]. In: Chindina L.A. (ed.) *Moya izbrannitsa nauka, nauka bez kotoroy mne ne zhit'* [My choice is science, the science without Which I Can not Live]. Barnaul: Altai State University Publ., 1995, pp. 225-235.
26. Chuvrov A.A. *Komi legenda o sotvorenii mira iz arkhiva REM: finno-ugorskie i vostochno-slavyanskije paralleli* [The Komi legend about the world creation. From the Russian Museum of Ethnography Archive: Finno-Ugric and Eastern Slavic Parallels]. In: Mazalova N.E. (ed.) *Uvedi menya, doroga* [Lead me away, the road]. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography of Russian Academy of Sciences Publ., 2010, pp. 304-322.
27. Sokolov P. Zapiski svyashchennika Pavla Sokolova, soputstvovavshego Ego Preosvyashchenstvu, Preosvyashchenniyshemu Makariyu, episkopu Tomskomu i Semipalatinskomu, v poezdke ego v iyune i iyule mesyatsakh 1892 g. po obozreniyu tserkvey Narymskogo kraia [Notes of Priest Pavel Sokolov who accompanied His Eminence Grace Macarius, Bishop of Tomsk and Semipalatinsk in His trip in June and July of 1892 for viewing churches of Narym Region]. *Tomskie eparkhial'nye vedomosti*, 1893, no. 2, pp. 5-13; no. 3, pp. 7-15; no. 5, pp. 1-7.
28. E.M. [Bishop Macarius (Nevsky)]. *Besedy ob istinnom Boge i istinnoy vere na narechii obskikh ostyakov* [Conversations about the true God and true Faith in the Ob Ostyaks Dialect]. Tomsk: Eparkhial'noe Bratstvo Publ., 1900. 28 p.
29. Sokolova Z.P. Osnovnye problemy obsko-ugorskoy etnografii [The main questions of the Ob-Ugric ethnography]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2013, no. 4, pp. 34-48. Available at: <http://ebiblioteka.ru/browse/doc/36124812>.
30. Kim A.A., Osipova O.A., Sergeeva E.A. (ed.) *Khantyysko-russkiy slovar' (vasyuganskiy dialekt)* [The Khanty-Russian Dictionary (Vasyugan dialect)]. Tomsk: Tomsk State Pedagogical University Publ., 1996. 348 p.
31. Khelinskiy E. (ed.) *Yuzhnosel'kupskiy slovar' N.P. Grigorovskogo* [Yuzhnoselkupsky Dictionary by N.P. Grigorovsky]. Hamburg: Institut für Finnougristik / Uralistik der Universität Hamburg, 2007. 225 p.